

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФЕНОМЕН ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЕЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ

Б.Д. Голованов

1 Введение

Термин «идеология» остается весьма популярным на постсоветском пространстве, несмотря на «конец» самой идеологии. Особенностью этого часто употребляемого понятия является его многозначность. Им обозначают способы мышления, обладающие прямо противоположными характеристиками. Под названием «идеология» может скрываться и мышление, претендующее на научность, и мышление, порождающее коллективные иллюзии. Идеология может рассматриваться как грозное оружие в непримиримой борьбе классов и как инструмент «содействия росту согласия между обсуждаемыми идеями» [3, с. 14]. Такие разногласия в употреблении термина требуют постоянных усилий по уточнению его значения. В большой мере содержание термина проясняют исследования его генезиса в истории философской мысли, в частности эпохи Великой французской революции.

Французская революция кардинальным образом изменила не только политическую ситуацию в Европе, она буквально взорвала духовную атмосферу старого мира. Философские течения, зародившиеся в эту эпоху, радикально поменяли смысл и направление европейского просвещения, превратив его из просвещения монархов в революционное просвещение масс. Французская революция стала кульминационным пунктом рождения нового европейского сознания, она «превратила политику в игру не только для элиты, но и для любого, кто был способен в неё играть» [5, с. 69].

Робеспьер и его партия стремились не только «воспитать философа на троне», они ставили еще более грандиозную задачу — разбудить в каждом гражданине правителя, если не государства, то своей собственной судьбы. Один из выдающихся мыслителей революционной эпохи Доминик-Жозеф Гара, выступая в Совете Старейших, говорил: «Революция началась, когда мудрость философов стала мудростью законодателя. Революция не может быть завершена до тех пор, пока мудрость законодателя не станет мудростью народа» [6, с. 71]. Однако последствия революционного порыва были столь разрушительны для французского общества, что не только противники революции, но и многие её сторонники задумались над тем, как обуздать темные стороны человеческой природы.

2 В поисках спасения

Эпоха террора и безумной жестокости породила ряд политических проектов окультуривания человеческих страстей. Среди идейных вдохновителей революции выделились теофилантрописты, которые предлагали заменить традиционное христианство на синтетический культ Высшего существа, который включал бы в свой состав природные культы, присущие той или иной местности. Разумеется, новая религия подавалась в облачении науки, достижения естествознания рассматривались как лучшее противоядие против религиозных предубеждений.

Конкуренцию теофилантропистам составляла группа исследователей, получивших название «идеологов». После свержения якобинской диктатуры многие интеллектуалы, принимавшие участие во Французской революции, предложили создать науку, которая помогла бы разработать идейные основания революционной политики. «Революционные столкновения, — писал один из членов этой группы Кабанис, — вызываются не свободными столкновениями мысли, как думают некоторые люди: напротив того, они были всегда неизбежным результатом насильственных препятствий, которые безрассудно противопоставляли этому развитию, отсутствия согласия между течением дел и движением общественного мнения, между социальными учреждениями и состоянием умов. Вообще, чем более люди развиты и благоразумны, тем более они боятся этих потрясений» [1, с. 60].

Идеологи полагали, что если человеческая природа будет более детально изучена, если человеческие мотивы и страсти будут разгаданы, то тогда можно будет решить проблемы, поставленные в ходе Револю-

ции. Подчеркивая практическую направленность новой науки, организатор и вдохновитель «идеологов» де Траси провозглашал, что его задача создать доктрину, которая окажет непосредственное влияние на благосостояние общества. Новая наука должна представлять собой «величайшее из искусств, для успеха которого должны объединиться все остальные науки». Сущность этого искусства он видел в регуляции общественной жизни «таким образом, чтобы человек находил, с одной стороны, наибольшую помощь, а с другой стороны, терпел наименьший ущерб от своей собственной природы» [6, с. 47].

В предложенном проекте новой науки о человеке идеологи подчеркивали функциональную связь мышления с различными сторонами общественной жизни. Они делали акцент не на идеальном содержании философского мышления, которое в тот период было в основном метафизическим, а на тех социальных формах, в которых это содержание функционировало. Исследование мышления, предпринятое идеологами, было нацелено на изучение способов распространения и использования понятий в различных социальных контекстах.

Практическая ориентированность «идеологии» противопоставляла её иным формам духовно-практического освоения мира, таким как теология и метафизика. Представители французского Просвещения многое сделали для того, чтобы дискредитировать метафизику как идейного противника. Они сформировали мнение о том, что метафизика — это ложное и амбициозное изучение субстанций, первопричин, порядка мыслей, ангелов, природных существ, одним словом, всего того, что философия Просвещения вынесла за границы разума.

Де Траси и его соратники умело воспользовались результатами критики метафизики, они отвергли всякую возможность для вновь создаваемой научной дисциплины быть включенной в контекст метафизического мышления, не только по содержанию, но даже по названию.

Новое имя, которое предложил де Траси, для создаваемой науки «об анализе идей и восприятий», было «идеология». Это имя, как он объяснял, в буквальном переводе с греческого означало «науку об идеях» (*idea*) или «учение о восприятиях» (*eidos*)¹. Действительно, для обозначения слова идея в греческом языке применяются как термин «*idea*», обозначающий платонические сущности божественного мира, так и «*eidos*», который указывает на визуальный образ изучаемого

¹Де Траси предложил термин «идеология» в 1796 году, и практически сразу же после этого Талейран ввел его в литературный оборот, а уже в 1797 году лондонский *The Monthly Magazine* дал подробное разъяснение его значения.

предмета. Такая терминологическая родственность в известной мере обусловила объединение в один класс духовных явлений собственно идей, с одной стороны, и чувственных восприятий и представлений, с другой стороны.

3 Методологические предпосылки «идеологии»

В поисках философских оснований новой науки де Траси обратился к Декарту и его принципу интеллектуального субъективизма. В соответствии с этим принципом утверждалось, что путь к истине лежит прежде всего через осознание бытийственности нашего мышления: «*Cogito ergo sum*». Основополагающие определения человеческого внутреннего мира задаются его идеями, последние представляют наше мышление как целое. Все наши восприятия вещей формируются в рамках целостности, которая ограничена нашими идеями. Ничего не существует для нашего сознания, минуя идеи, только в контексте идей раскрываются значения тех или иных восприятий внешней действительности.

Оригинальностью новой версии картезианства было то, что оно не порывало с духом французского сенсуализма. Вслед за аббатом Кондильяком «идеологи» переформулировали основной принцип картезианства в духе эмпирического сенсуализма: «С той минуты, как мы чувствуем, — мы существуем, мы сознаем наше существование» [4, с. 5].

4 Столкновение с бессознательным

Становясь на путь эмпирического анализа идей и восприятий, идеологи неизбежно выходили на глобальную мировоззренческую задачу, поставленную Ф. Бэконом в «Новом органоне» — задачу очищения нашего сознания от продуктов иллюзорного восприятия мира, освобождения человеческого разума от идолов четырех видов: идолов рода, идолов театра, идолов рынка, идолов пещеры.

Решая эту задачу, Кондильяк одним из первых обратил внимание на то, что не все события нашей психической жизни происходят осознанно и многие наши восприятия выходят за границы нашего индивидуального сознания. «Каждое мгновение, — писал он, — приносит нам ощущения, которые мы не в состоянии заметить и которые, определяя без нашего ведома наши движения, обеспечивают наше самосохранение» [2, с. 30]. Во многих случаях, например, при чтении книг мы

концентрируемся на идеях, но при этом не замечаем слова и буквы. Главная трудность бессознательного восприятия заключается в том, что мы можем думать, «что обладаем очевидностью чувств», тогда как в действительности «мы можем обманываться, либо замечать не все, что в нас происходит, либо предполагая то, чего в нас нет, либо искажая то, что в нас есть» [2, с. 29]. Существует огромное количество причин, влияющих на наше поведение, но поскольку они для нас повседневная данность, мы их просто не замечаем.

Весьма близко к духу современного психоанализа Кондильяк описывает процесс вытеснения травмирующих психологических мотивов. Он пишет: «Мы приписываем нашим действиям побудительные причины, которые на самом деле вовсе не вызывали этих действий, лишь потому, что хотим скрыть от себя те причины, которые в действительности их вызывают; и в момент, когда мы вовсе не пользуемся никакой свободой, мы верим в то, что мы свободны, лишь потому, что наше положение не позволяет нам заметить, сколь невелико участие нашего выбора в наших движениях, ни ощутить силу причин, насильственно нас побуждающих» [2, с. 30].

Наша бессознательность в восприятии реальности компенсируется нашим воображением. Не зная истинных причин наших страстей, «мы воображаем такие причины, которые не имеют отношения к нашим действиям или имеют к ним лишь косвенное отношение» [2, с. 30]. Эта раскованность воображения сопровождается чувством свободы, распространяющимся на все действия человека. Призраки, затемняющие наш разум, — это продукты нашего воображения, мы можем убедиться в очевидности чувств, лишь освободившись от этих призраков.

Развивая сенсуалистический метод анализа идей и восприятий, Кондильяк подвергает критике учение Платона о познании как анамнезисе (припоминании). Переосмыслению подвергается социально-мифологическое содержание этого учения, согласно которому положение человека в обществе зависит от анамнезических способностей души, данных ему от рождения. «Единственное преимущество, которое дается при рождении, — пишет Кондильяк, — это лучше предрасположенные органы; тот, чьи органы получают более яркие и разнообразные впечатления и легко приобретают привычки, становится в соответствии с родом своих привычек поэтом, оратором, философом и т.п., в то время как другие остаются такими, какими создала их природа» [2, с. 34]. Идея равенства всех людей от рождения и идея безусловного развития способностей у всех людей, не могли не импонировать «идеологам», большинство из которых были непосредственными участниками рево-

люционных событий. Метод сенсуалистического анализа восприятий, разработанный Кондильяком, был положен в основу вновь создаваемой науки идеологии.

5 Необходима ли категория души для новой науки?

Другой принципиальной проблемой новой науки стало размежевание с психологическими идеями, которые разрабатывались прежней метафизикой. Со времен античности основополагающей категорией при изучении внутреннего мира человека была душа. В эпоху Просвещения усилиями Гольбаха, Вольтера и Ламетри это понятие было вычеркнуто из лексикона французских материалистов.

У Платона и его последователей душа играла важнейшую роль в соединении мира божественного и мира вещного. Как бессмертная субстанция, оказавшаяся в мире преходящих, конечных вещей, душа в течение человеческой жизни, с одной стороны, впитывала впечатления чувственного мира, с другой стороны, в ней всегда жило стремление в занебесную область, где возможно соединение с божественным. Естественно, что если вместе с теологией было отвергнуто учение об интеллигибельном мире, центре притяжения душевной субстанции, то и идея души становилась бессмысленной и ненужной для чувственной социальной жизни. Основное внимание французских «идеологов» привлекала не умозрительная сторона душевной жизни человека, а её чувственная сторона, которой она была привязана к материальному миру.

Перед сенсуалистически ориентированным французским материализмом всегда стоял вопрос: каким образом все многообразие чувственных восприятий приводится к единству и какого типа единство делает данного индивида воспринимающим самого себя. Устранение понятия души из категориального словаря философии означало устранение традиционных представлений о простой бессмертной субстанции, которая создавала единство в разнообразном внутреннем опыте личности. Большинство философских систем XVIII века претерпели серьезные изменения, исключив понятие души из своего категориального аппарата. Перед ними остро стал вопрос, каким образом все многообразие чувственных восприятий привести к единству и как объяснить целостное восприятие индивидом самого себя во всех проявлениях своего опыта.

Кондильяк, философскую позицию которого «идеологи» взяли за

исходную, объяснял происхождение всех психических способностей и содержание сознания как генезис первичных восприятий. Восприятие он рассматривал как «первую из способностей души». Разница между людьми проистекала из того, «что не все из нас могут одинаково употреблять наши чувства для того, для чего они нам были даны» [2, с. 34]. Однако философ все еще продолжал пользоваться термином «душа» в своих философских исследованиях.

Де Траси был настроен на решительное устранение термина «душа» из словаря новой науки, единство чувственных восприятий он определял через подчинение всех чувственных частей внутреннего мира личности единой воле. Передача интегральной функции психической жизни человека воле, несомненно, отражает особенности исторической ситуации, в которой формировалась эта философская концепция. В революционные периоды человеческой истории тонкие движения человеческой природы уходят на задний план, на авансцену выдвигаются бурные страсти, которые в состоянии обуздать только коллективная воля человеческого сообщества.

6 Проблема существования внешнего мира

Для сенсуалистически ориентированной методологии главным камнем преткновения была проблема существования внешнего мира, существования вещей вне нашего сознания.

Последовательный сенсуалист Беркли пришел к полному отрицанию существования чего-либо помимо наших ощущений. Декарт, чтобы убедительно ответить на этот вопрос, предположил существование двух субстанций: материальной, обладающей протяженностью, и мыслящей. Де Траси, пытаясь разрешить затруднения сенсуалистической парадигмы, дает новый вариант методологии анализа идей и восприятий. Этот анализ он начинает с расширенного истолкования принципа, положенного в основу теории познания Локка, о том, что наши ощущения есть содержание и источник всех наших идей. Он пишет: «Впечатления, получаемые чувствительными органами, служат таким же источником для всех мыслей, как и для всех жизненных движений» [4, с. 7].

Таким образом, новая наука «идеология» начинается с ощущений и восприятий как первичных элементов сознания; мышление и идеи рассматриваются как комбинации этих первоначал. Исходя из этой предпосылки, де Траси делал вывод: «Если мышление суть ощущение, то

ничего не существует, если оно не воспринимается» [4, с. 7].

В дальнейшем это принципиальное положение новой философской доктрины станет предметом решительной критики со стороны представителей классической немецкой философии. И. Кант укажет на пагубность для философского мышления и практической морали отождествления идей с чувственными восприятиями. Гегель заявит о недопустимости идеологии как способа философствования.

7 Восприятие и движение

Исследуя проблему чувственных восприятий и их осознания, де Траси оригинальным образом определил и использовал категорию движения. Он писал: «Мы не можем представить деятельности ощущения, как и всякой другой деятельности, без какого бы то ни было движения; таким образом, и чувствительность связана, быть может, с причинами и законами движения, общим источником всех явлений в мире» [4, с. 8].

Как и прежде, исходной точкой в рассуждениях де Траси стало учение Кондильяка о восприятии. Хотя последовательность мыслей этого философа не была свободна от противоречий, де Траси тем не менее находился под большим влиянием его теории, согласно которой ощущение возникает как ответ на сопротивление внешней среды. Сопротивление внешней среды определялось как универсальное средство, с помощью которого приобретаются знания о внешней реальности. Но возникновение самого принципа сопротивления нуждалось в объяснениях. И единственной возможностью успешно разрешить эту проблему было исследование диалектики движения и сопротивления.

Движение, провозглашенное Гольбахом и Дидро важнейшим свойством материального мира, ставило перед «идеологами» трудно разрешимую проблему адекватности научного знания. Эта проблема выглядела следующим образом. Исследователь не может обрести адекватное восприятие мира, не проявляя активность и не воздействуя на окружающие его явления. С другой стороны, активность исследователя, наталкивающаяся на сопротивление внешнего мира, изменяет и искажает внешний мир и следовательно не может служить адекватному восприятию этого мира.

Проблема, которая в философии Кондильяка звучала так: как добиться очевидности нашего чувствования и устранить искажения, привнесенные нашей фантазией, «идеологами» была переформулирована

в проблему движения и звучала так: как можно получить истинные впечатления от внешнего мира, двигаясь в нем и не искажая его?

Отвечая на поставленный вопрос, де Траси писал: «Нет в мире существа способного перенести меня в точку, где я мог бы наблюдать движение, не принимая в нем участия, и где я бы рассматривал себя как недвижимый центр» (Цит. по: [6, с. 52]). Как в материальном мире, так и в интеллектуальном индивид начинает с того, что подвергает сомнению свое центральное положение. Как в материальном мире положение наблюдателя можно считать неподвижным лишь относительно определенной системы координат, так и в интеллектуальном пространстве адекватность восприятия относительна лишь той системе координат (системе ценностей), которая существует в сознании данного индивида.

8 Гражданское общество и идеология

Мы не ошибемся, если будем утверждать, что возникновение идеологии как способа мышления и формы коллективного самосознания непосредственно связано с формированием гражданского общества. Представление о гражданском обществе как о совокупности социальных атомов, находящихся в постоянном движении и взаимодействии, лежит в основе идеологических форм мышления.

Осмысливая плюралистичность буржуазного мышления, де Траси, в конечном итоге, делает вывод, что наши восприятия — это результат взаимовлияния многих центров, которые взаимодействуют между собой, иногда помогая друг другу, иногда враждуя друг с другом.

Дальнейшие исследования человеческой природы, проведенные «идеологами», в полной мере опирались на естественнонаучные представления о мире как о бесконечном множестве атомов, постоянно находящихся в движении и постоянно взаимодействующих друг с другом. Отличие человеческих индивидов от атомов заключалось в обладании психическими функциями: восприятием, способностью суждения и волей. Подобный взгляд на природу человека во многом повторял учение Гоббса о конфликте индивидуальных волей, старающихся быть свободными в своем движении, но постоянно встречающих сопротивление. Чтобы стать свободным, индивид должен превратить все остальные воли в свое подобие и подчинить их. Доброжелательность или недоброжелательность — это просто приспособленность или неприспособленность одной воли к другой.

9 Заключение

Концепция атомарного индивида, следующего своей эгоистической воле, была традиционна для философов XVIII века, но синтез сенсуалистической теории познания с материалистической концепцией гражданского общества стал оригинальной и продуктивной гипотезой. «Идеологическая» трактовка движения заключала в себе зародыш проекта изменения внутреннего состояния индивидуального сознания через изменение характера внешнего взаимодействия индивида с миром. Не порывая с просветительскими принципами, «идеологи» пошли дальше, они утверждали, что изменение сознания индивидов возможно не только через обучение и воспитание, но и через изменение условий жизни этих индивидов.

«Идеологи» предложили перейти от педагогических методов воспитания политической элиты к политическим методам изменения социальных условий жизни народных масс. Высокая оценка «идеологами» политических методов изменения общественного сознания говорит о том, что «идеология» была не просто сенсуалистическим анализом идей, но она также нацеливала научное исследование на выявление социальных, экономических и политических оснований мышления.

10 Литература

- [1] *Кабанис*. Отношения между физическою и нравственною природою человека. Т. 1 — СПб., 1885.
- [2] *Кондильяк Э.Б.* Сочинения: В 3-х томах — М., 1982. — Т. 3.
- [3] *Кондратьев А.* Идеология как инструмент управления ресурсами и ключевой компонент самоорганизации // *Власть*. — 2004. — № 9.
- [4] *Дестют-Траси*. Систематическое извлечение, вместо подробного оглавления // *Кабанис*. Отношение между физическою и нравственною природою человека. Т. 1 — СПб., 1885.
- [5] *Gouldner A.W.* The Dialectic of Ideology and Technology. The Origins, Grammar and Future of Ideology. New York, 1976.
- [6] *Kennedy E.* Philosophy in Age of Revolution, Destutt de Tracy and the Origins of Ideology. Philadelphia, 1978.